

18+

ТАТЬЯНА АВЛОШЕНКО

ХРОНИКИ ЗЕМЛІ ФІМБУЛЬВЕТЕР

НЕБО ДЛЯ БАККЕНА

Татьяна Авлошенко
Небо для Баккена. Хроники
земли Фимбульветер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65221756

ISBN 9785005376886

Аннотация

Нет пользы для Драконов. В любви, дружбе, верности. Драконы не знают чувств. Слишком часто чувства становятся обузой. Людям тоже мало в них проку. Но иногда становится ясно, что без расплывчатых этих понятий нет и человека. И ради дружбы ты готов преодолеть Белое Поле, верность ведёт через Фунсовы Рога, любовь вытягивает из ледяных вод Аррига. Просто потому, что ты видишь небо. Чистое и бесконечное. В небе страшно? Нет. Там – свободно. Если ты обнимаешь любимую. Небо – лучшее место для Драконов.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	23
Заметки на полях	35
Глава 3	44
Глава 4	57
Заметки на полях	74
Глава 5	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Небо для Баккена Хроники земли Фимбульветер Татьяна Авлошенко

Анюта Соколова *Иллюстратор*

© Татьяна Авлошенко, 2024

© Анюта Соколова, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0053-7688-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЦИКЛ «ХРОНИКИ ЗЕМЛИ ФИМБУЛЬВЕТЕРА»

Ученик хрониста

Время щенков

Маяк Птичьего острова

Пепел

Дела семейные

Небо для Баккена

Исроменныи земли

Пролог

– Драконы отвернулись от нас.

– Это не так.

– Поводыри, Гест и Гида, погибли, «Соперник» исчез.

– Священную книгу уничтожить нельзя. В городе Гехте живет человек, видевший гибель обоих поводырей. Говорят, он держал книгу в руках. Там, на острове.

– Тогда он должен отдать книгу. И стать одним из нас. Если же он не согласится...

– На радость Драконам.

– Для скорой встречи с ними.

Глава 1

Солнце светит ярким светом, нахально пробиваясь сквозь плотно задернутые шторы. Зимой в Гехте день наступает поздно, значит, сейчас никак не раньше полудня. Ну и что, имеет человек право в свой свободный день поспать подольше? Несомненно, имеет. Но неужели эта истина наконец дошла до моих драгоценных родичей, что меня никто не будит?

Когда выходил из комнаты, что-то метнулось по скрипучим половицам из темного угла прямо под ноги. Кожаный мячик Вестри. Поднял и, задумчиво подбрасывая на ладони, спустился вниз.

Эй, люди!

В гостиной горит камин. Подушки на диване чуть примяты. В кресле лежит клубок шерсти с воткнутыми в него спицами и начатым вязаньем.

На подоконнике, рядом с комнатной розой в горшке, маленькая лужица пролитой воды.

И никого.

Заглянул на кухню. На столе котелок с дымящимся барком, вокруг составлены кружки. Пирог под полотенцем, еще теплый.

В прихожей на вешалке плащ Хельги и куртка Оле Свана. Сухие, явно висят тут со вчерашнего вечера.

В сумеречном доме тишина и безлюдье. Куда все прова-

лились? Не могли же четыре человека и собака просто взять и исчезнуть бесследно?

Скрип за спиной. Тихо открывается дверь.

– Ларс, помоги-ка.

Оле, удерживая двумя руками таз, до краев наполненный снегом, пытается протиснуться в прихожую.

– Уф... Здоров же ты спать. Даже почтенная Гудрун оставила надежду накормить тебя завтраком, напоить молоком и ушла на рынок.

– Остальные где?

– Хельга решила пожалеть тебя после вчерашнего и сама пошла гулять с Вестри. Герда на заливе. Одна там. Минут сорок как уже. Так что, завтракать будешь? А молоко?

– Издеваешься?

– Тогда мы друг друга не видели.

Герда никогда не берет меня на прогулки по льду залива, а я и не настаиваю. И не обижаюсь. Знаю, если б моя радость могла, она бы поделилась со мной всеми секретами, но слишком глубинны отношения ведьмы и ее стихии, слишком личностны, их не объяснить, о них не рассказать словами другому человеку. Не зная в точности, что и как связывает Герду с водой, я понимаю и уважаю ее чувство, потому что так и для меня строчки древних хроник не просто выцветшие чернила на старом пергаменте, они делают давно минувшие события реальными, а ушедших людей – живыми. Но объяснить это толком я никак не могу.

Опершись о седло Скима, я смотрю, как Герда ступает по бескрайнему льду залива. Разводит руками, приседает, кружится. Она и так невысокого роста, а издали кажется маленькой красивой куколкой – из тех, что украшают часы и музыкальные шкатулки. Подставить бы ладони, принять ее, как величайшую драгоценность мира.

Движения Герды стали более ловкими и слаженными. Она танцевала на сверкающем снегу, и маленькие следы ее сплетались в загадочную рунную вязь.

И почудилось на секунды: под ногами у Герды не белая снежная гладь, а мелкие свинцовые волны и солнечные блики, и раздается тихий шелест и плеск, и прилетает запах океана, совсем такой, как на Птичьем острове: свежий, слегка дурманящий.

– Ларс!

Герда, смеясь, бежала ко мне. Маленькая танцующая куколка, приближаясь, превращалась в живую девушку. Так еще лучше. Я подставил руки.

Мы закружились по берегу. Все было прекрасно: бескрайние просторы залива, сверкающий серебром снег, голубое небо, солнце, счастливая девушка в моих объятиях. Герда, Герда, как же я люблю тебя.

Наконец мы остановились.

– Ларс! Мне кажется, еще немного, и залив ответит. Нужно только правильно позвать. Ведь в прошлый раз...

В прошлый раз, когда моей любимой ведьме удалось за-

клясть стихию, в потолок комнаты ударил такой столб воды, будто Герда колдовала не над кружкой, а над целым ведром. Хорошо хоть холодной. Но вымокли мы тогда здорово и нагоняй от домоправительницы Гудрун получили знатный. После того случая, во избежание порчи дома и имущества, было решено кудесничать исключительно в уединенном месте, на берегу замерзшего залива.

Герда – водяная ведьма. Самая настоящая, со всеми полагающимися способностями, только не ученая. Родителей своих она не знает, до шестнадцати лет прожила в приюте Благоего Берне, оттуда ее забрала огненная колдунья Флоранса. Пламя и вода противоречат друг другу, потому городская ведьма и не смогла ничему научить Герду. Да и времени им было отпущено немного, Флоранса погибла. Больше ведьм в Гехте и ближайшей округе не оказалось, и Герде теперь приходится учиться самой. Что-то по крохам, по странице, по предложению нахожу для нее в книгах и хрониках я. Что-то она вдруг понимает – «знает» – сама. Когда мы плавали на Птичий остров зажигать маяк, Герда разговаривала с океаном, а вода слышала ее и исполняла просьбы. Но подле Гехта нет живой открытой воды, только промерзший до дна залив да закрытые колодцы, а влага, налитая в кружки и котелки, откликаться не хочет.

– Почему я слышала воду на Птичьем острове, а здесь – нет?

– Там была чистая вода, а залив заледенел до дна...

– Может быть. Как бы узнать это наверняка? – Глаза Герды сверкают полуночными сполохами. – Ой, Ларс, это все так непросто, так интересно! А я ничего не знаю, не умею. Ты мне поможешь?

– Да, да.

– Спрашивать надо по-особому, ведь вода отвечает очень коротко, а узнать надо как можно больше.

– Когда знаешь хотя бы немного, можно подумать и об остальном догадаться.

– Это как?

– Например, увидев...

Первое, что пришло в голову, – пятна крови на снегу. По ним можно понять, что на этом самом месте кому-то расквасили нос. Или кого-то проткнули шпагой. Но не стоит говорить такое Герде, тем более сегодня.

– Увидев мокрый ковер, поймешь, что кто-то ликвидировал следы.

– Следы чернил, которые кое-кто пролил, потому что держал бутылку и чернильницу на весу, а Вестри толкнул тебя под руку и сам испачкался, и ты потащил его мыть, а потом гонялся по всему дому за намыленной собакой.

– Правильно. Честно говоря, изумлен.

– Это Хельга тебя вычислила.

– Вот что бывает, когда сестра главный прознатчик в Палате Истины. Ничего утаить нельзя.

– А ты задумал иметь от нас секреты?

– Н-ну, кхарнов хвост в косички заплетать. Все равно все узнаете.¹

В таком маленьком спокойном городе, как Гехт, скрыть что-либо невозможно. Кто-нибудь обязательно что-нибудь заметит и поинтересуется происходящим у хессы главного прознатчика – если не у самой, так у ее мужа, капитана стражи, если не у самого, так у его дочери. А уж что поведают Гудрун на рынке, и представить страшно. Лучше я сам все расскажу любящим меня людям. Потому как все они тоже очень дороги мне, и я не хочу, чтобы волновались. Обязательно расскажу. Вечером. Когда вернусь. После.

– Ларс, а может, я такая бездарь?

– Просто у тебя не было достойной наставницы. Хочешь, поищем? В корабельных кланах, говорят, много водяниц. Астрид охотно примет тебя, проживешь в Рёнкюсте.

Герда, покусывая губу, смотрит в сторону:

– Нет, Ларс, ты ведь не сможешь поехать со мной. А разлучаться нам нельзя. Мне все кажется, с тобой тогда случится что-то плохое.

– Это в Гехте-то? Самое страшное, что мне здесь грозит, это помереть от тоски по тебе.

– Правда? Ай! Ларс, поставь на место!

– Кружу-верчу, дороги путаю, чтобы прочь пути не нашла,

¹ Заниматься делом заведомо бессмысленным и обреченным на неудачу. Шерсть на хвосте у кхарна очень толстая и жесткая, ее состригают специальными ножницами и используют при изготовлении метел, щеток и корзин.

всегда при мне оставалась.

– Наглость какая, это я, ведьма, должна колдовать! Ну, погоди!

Стоило поставить Герду на землю, как грозная дочь капитана стражи проворным горностаем вывернулась из моих рук и, ухватив за грудки, ловкой подножкой опрокинула на спину в пушистый сугроб. Прижала, упершись в грудь коленом, и с кровожадным мявом затеребила шарф:

– Вот как мы поступаем с теми, кто кружит головы порядочным девушкам. И ходит в холода с распахнутым воротом. И без шапки. И вообще мерзнет.

Небо сегодня цвета бирюзы. Такое, наверное, бывает всего лишь раз в год. И на фоне его, словно солнышко, смеющееся покрасневшее личико Герды. Моя радость полюбила заплетать волосы в две косы, одна из них упала через плечо вперед, растрепавшийся конец щекочет мне висок. Слабо пахнет дымком камина в нашем доме: утром Герда сушила волосы у огня. Милость Драконов...

– Ларс! Что? Больно?

Герда склонилась совсем низко, она больше не улыбается.

– Герда... Я люблю тебя.

У ее губ вкус талого снега.

Жаль, но ни один поцелуй не длится слишком долго.

– Ведьма... Чаровница...

– Веришь в привороты?

– Нет. Ты и без колдовства... Чудо.

– Привораживать я тоже не умею. Ничегошеньки не знаю. Даже время в колечки заплетать не могу. А ты говоришь – ведьма.

Время. Чье сейчас время? Как бы мне сказать моей радости, что пора возвращаться домой?

А Герда уже сама трогательно трет глаза кулачками. Слишком много сил отнимают у неопытной ведьмы попытки говорить с заливом – если не сразу, то примерно час спустя ее начинает неодолимо клонить в сон. Сегодня моя радость и вовсе выложились по полной – пришлось ее поддержать, иначе упала бы в снег.

Герда уютно ткнулась лбом мне в плечо:

– Ларс, прости. Я...

– Ничего, ничего, сейчас домой поедem.

Так и вез ее в объятиях, сонную, теплую, родную. И пусть весь город смотрит.

В дом внес на руках.

Навстречу попался Оле:

– Правильно, таких девушек на руках носить надо. Опять колдовала?

– Нет, просто пыталась говорить с океаном.

– Просто поговорить? А выматывается всякий раз, будто три часа по полосе препятствий носилась. Надо что-то с этим делать, а, Ларс?

– Ага, после решим.

Герда, хотя я готов всю жизнь держать ее вот так, у серд-

ца, отнюдь не невесомая снежинка. Я поспешил отнести мою радость наверх, в ее комнату.

Вот так, теперь отдыхай. И спи, а не подглядывай. Когда проснешься, я уже вернусь. Вечер сегодня будет хороший, правда? Правда.

Я еще немного постоял на коленях возле кровати, любуясь на свернувшуюся калачиком уснувшую Герду, осторожно прикоснулся к ее пальчикам, потом собрал теплые вещи и уличные башмачки моей радости и понес вниз.

Строгая Гудрун приучила нас если не к порядку, то к привычке не раскидывать вещи вне своих комнат. На этом я попался. Не стал бы пристраивать промокшие варежки Герды на печку сушиться, а потом возвращать одежды на сбитую на бегу вешалку, не потратил бы лишнюю минуту и сумел бы разминуться с Хельгой и Вестри. А теперь они тут как тут. Будь сестра одна, я бы еще мог проскользнуть мимо, приняв донельзя деловой вид, но Вестри, подскочив, радостно вскинул лапы мне на плечи – от собаки не уйдешь. Хельга, стоя в дверях, задумчиво нас разглядывала.

Хельга, по мнению окружающих, сестра, о которой простой смертный может только мечтать. Я должен жалеть, что таких сокровищ у меня не дюжина. С недостатчей позволяет смириться только то, что единственная сестрынька иногда бывает невероятной занудой. И сейчас, похоже, готовится сказать мне слово в полчаса протяженностью. Надо срочно переходить в контратаку.

– Да, да, да, согласен с тобой полностью, кто завел собаку, тот с ней и гуляет, буду обязательно, тебе спасибо большое, это только сегодня так получилось, что не получилось, Вестри, на!

Сую псу припасенный сухарик и примеряюсь одним длинным шагом прошмыгнуть за дверь. Почти удастся.

– Ларс, что за тип пялился на нас вчера во время тренировки?

Хуже, чем общаться с собеседником, стоящим в соседнем помещении, только говорить, переступив через порог одной ногой. Обидишь ниссе-домового, и не будет тебе ни доброго пути, ни удачи в делах. Но я останавливаюсь.

– Не знаю. Чем конкретно тебе этот тип так не понравился?

– Он стоял довольно далеко, будто не хотел, чтобы кто-то догадался, что его интересует наш двор и мы. Но при этом смотрел оценивающе. Не на двор и дом, а на нас.

– Хельга, это просто вежливый человек, который не считает возможным лезть на чужую территорию. Может быть, бывший стражник или солдат, перебравшийся в Гехт из другого города, или проверяющий из столицы, решивший инкогнито разведать, на что вы, защита наша и оборона, способны с оружием. А может, какой-нибудь твой поклонник.

– Высокий, – настойчиво сказала Хельга. – Лица и фигуры не различить, он запахнулся в плащ и низко надвинул шляпу. Одет не бедно, но и без роскоши.

– Сестра, когда Оле начинает меня гонять, я и Дракона в трех шагах не замечу – не до того. За руки ж этот тип тебя не хватает. Если очень сильно раздражает, натрави на него Свана. Или меня дождись, все решим. Не сейчас, правда очень тороплюсь.

И я наконец покинул родной дом.

Времени оставалось совсем мало. Негоже опаздывать, но и бежать по улицам сломя голову – тоже. А вот идти быстрым шагом, придав лицу выражение ответственное и сосредоточенное, решение самое правильное. Так и шансов на то, что кто-нибудь прицепится, срочно требуя подтверждения того, что его предок состоял в гильдии медников почетным членом или, наоборот, никогда там не числился, но судился из-за дырявого горшка, значительно меньше. Хеск хронист торопится по делу – может, даже во славу города.

Что же это все-таки за неизвестный тип, умудрившийся так смутить Хельгу? То, что кто-то наблюдает за нашими тренировками, не новость. Когда Оле Сван с обнаженным торсом выходит плясать с двумя клинками, чуть ли не у всего женского населения Ратушного квартала находятся дела вне дома. Так и снуют по проулку туда-сюда. Даже вечно всем недовольная хесса Кёб величественно проплывает мимо нашего заднего двора. А когда Оле берется наставлять меня в фехтовании в светлое время суток, на ограде висят все окрестные мальчишки, и сапожник Андреас азартно потрясает костлявыми кулаками, поддерживает меня и капита-

на попеременно и дает ценные советы по ведению поединка. Иногда и другие люди, идущие проулком, останавливаются посмотреть. Но сестра не стала бы беспокоиться просто из-за любопытного прохожего. Что же было не так в тот день?

Тренировку начали поздно, когда уже стемнело, потому зажгли на дворе несколько ламп и фонарей. Оле клятвенно пообещал мне отдать весь завтрашний (то есть сегодняш- ний) день и потому веселился душой в полной мере.

Орудовал он одним только палашом, свободной рукой удерживая в крепком захвате слабо трепыхающуюся Хельгу. Бой не всегда бывает честным, один на один, случается, что противник прикрывается заложником. Капитан Сван ростом не вышел, он ниже своей супруги, но почти вдвое шире. Однако закрываться Хельгой ему очень удобно. Уже больше двадцати минут я верчусь вокруг, словно крыса у подвешенного на крюк окорока, но никак не могу нанести верный удар и достать Оле.

Свану наконец надоели эти пляски, и он с силой толкнул Хельгу прямо на меня. Я сумел подхватить сестру, развернуться, прикрывая ее, и даже отбить коварный выпад Оле.

– Ладно, годится, – одобрил капитан. – Теперь защита.

– Подождите. – Хельга стянула с лица плотный платок, предохраняющий от случайных ударов. – Дайте отдышаться.

Оле тут же проявил походную галантность: поставил ногу на крыльцо, предлагая жене сесть на его согнутое колено, а не на холодный камень, – и сестра этим с удовольствием

воспользовалась.

Я оглянулся на окна родного дома. Герду и Вестри прогнали с холода, и теперь моя радость смотрит на меня из окна своей комнаты. Вестри снова взгромоздился на подоконник, и Герда обнимает его, положив подбородок псу на макушку. В глубине комнаты горит лампа, и фигуры девушки и собаки окружены сияющим ореолом.

– Эй, слышь, что говорю? – Оле двумя перстами подергал меня за рукав. – Ходят упорные слухи, что раз уж хронисты дают клятву служить городу и короне, то скоро вашу братию обяжут ходить в мундирах.

– И чему ты радуешься?

– Порядка больше будет. Хотел бы я поглядеть, как ты при полном параде будешь на стуле качаться и по перилам ездить.

– Увидишь, Оле, увидишь неоднократно.

– Пороть, – ласково сказал Сван. – Вожжами, на кхарню сведя. Чтоб страх имел перед старшими и почтение. Жаль, поздно уже. Учи дите, пока поперек лавки ложится. А этому дылде, пожалуй, уже и в длину коротка будет. Но ведь и другие способы есть... – Капитан задумчиво взвесил на руке один из своих палашей. – Хельга, поддержишь?

Облаченная в старую плотную юбку и бригантину сестра сладко потянулась: ²

² Бригантина – доспех из пластин, наклепанных под суконную или стеганую основу.

– Чего только не сделаешь по просьбе любимого мужа.

Подошла со спины, обхватила меня за талию. Хельга снова изображала перепуганную жертву, но уже вырванную из лап злодея и теперь с визгом цепляющуюся за своего защитника.

– Ларс, когда ставишь нижний блок, не стоит выписывать такие дуги, достаточно просто распрямить локоть.

– Спасибо. Оле, руки любимой жене не оттяпаешь?

– Так ты защищай сестру единственную.

И началось.

Оружие у капитана настоящее, боевое, никаких учебных затупленных лезвий. От превращения в разобранную мозаику меня спасает несомненное мастерство, точность движений Свана, способного развернуть клинок в волосе от намеченной цели и ударить плашмя, и немного – собственное проворство. Оле рубит палашом без всякой жалости и снисхождения. Его наставническое кредо – «Пять раз прилетит, на шестой отскочишь». Только как отскочить, когда за спиной мечется «жертва» и надо не только оборонить ее от нападающего, но и уберечь от собственных неловких движений.

Уходя по дуге от очередного хитрого финта Свана, мы оказались лицом к проулку. Хельга тихо ойкнула: похоже, я все-таки наступил ей на ногу. Отвлечшись на сестру, чуть не пропустил косой замах Оле. Времени разглядывать проулок не было, да и необходимости такой тоже. Я просто скользнул взглядом, как если бы несли мимо на салазках

вниз с горки. Но заметил, недалеко от нашей калитки за пределами света фонаря кто-то стоял. Взгляд зацепил лишь темный смазанный силуэт, почему же осталось чувство мимолетного неосознанного удивления: «Как он здесь оказался?» Кто – он?

Колокол на Часовой башне отметил время Кхарна, и мне стало не до раздумий. Опаздываю! Уже опоздал!

Последние версе до храма Ханделла я проделал несолидной рысью и только возле самого святилища перешел на размеренный шаг, подобающий событию. Уверенно и гордо обогнул угол и ступил на площадку позади храма – известное в городе место драк и поединков.

– Ну хоть кто-то явился! – приветствовал меня метельщик Кори. – Вам, вурдам, кодекс чести предписывает опаздывать на дуэль?

Глава 2

До сего дня мне еще не приходилось драться на дуэли. Осенью на Птичьем острове сошелся в поединке с двумя адептами кровожадной секты, вздумавшей пиратствовать недалеко от материка, но от честного боя там был только вызов, а потом все больше походило на обычную свалку, когда не действуют никакие правила и просто неистово дерешься, защищая жизнь свою и тех, кто тебе дорог. Было прежде еще сколько-то потасовок с оружием и без. Но в настоящей дуэли, строго по кодексу, в присутствии секундантов, с картелем и оговоренными условиями, на измеренной и осмотренной территории, не то чтобы не участвовал, но даже таковой не видел. Только в книжках читал. А теперь пришла пора узнать, насколько их авторы были правдивы.

Хельга считает дуэли сущей глупостью, а Оле Сван еще и вредительством. Что это за закон, позволяющий подданным короля безнаказанно убивать и калечить друг друга? А если подснежник перед грабежом запустит в жертву перчаткой? Страже что тогда, извиниться и удалиться – простите, хессе, что помешали промеж собой честно разобраться?

До недавнего времени я был согласен с родичами. До недавнего времени...

Чуть больше года назад, отказавшись от звания девушки, особо угодной Драконам, и отринув жреческое служение,

бывшая приютская сиротка Герда решала, кем же ей теперь стать. Думала даже податься ко мне в ученицы, но два хрониста на одну семью – это чересчур много. Булочная Торы Хольм? Герда честно призналась, что после шестнадцати лет приютской голодухи не удержится и будет лакомиться, а потом мучиться – если не от угрызений совести, так от обжорства. Городская кхарня? Моя радость любит возиться со всякой живностью, но вряд ли суровые мужики – служители вил и стойла обрадуются девичьему обществу. Вернее, обрадуются, но не по тому поводу. В результате была выбрана оранжерея. Растения Герде тоже по нраву, а ухаживает за ними народ тихий, приличный, для юной девы безопасный.

Выбор оказался удачным. Герде понравилось среди зеленеющего и цветущего, а сама она понравилась растениям. Да и люди в оранжерее и вправду оказались подходящие.

И все было хорошо, но примерно две недели назад я понял, что моя радость больше не хочет ходить на службу. Ничтожные, почти незаметные знаки: задержалась дольше обычного, когда утром прощались на крыльце оранжереи, вечером выбежала раньше срока. Поначалу я радовался: вот как Герда меня любит, лишнюю секунду побыть вдвоем – и тем дорожит. Но почему же тогда грустна она не только при расставании?

Потом моя радость перестала рассказывать об оранжерейных делах. Раньше только и речей было о том, что проклюнулось, зазеленело, выросло, расцвело, начало плодоносить

да благодаря кому это свершилось. А теперь молчит. Спросил, что случилось, – не ответила.

Потом служители оранжереи начали, заметив меня на улице, порскать в стороны, как мыши от лисицы. Что же, во имя Драконов, творится в этом зеленейшем заведении?

Пришлось взяться за выяснение решительно.

Оле Сван ввалился бы в подозрительное место во главе колонны стражников, дабы накрыть всех подозреваемых скопом и выяснить все и сразу. Хельга долго тянула бы ниточки, расспрашивая, сопоставляя, делая выводы, и наконец добыла неопровержимые улики. Метод родной сестры оказался мне ближе.

Чуть не помер от стыда и отвращения, выслеживая любимую девушку, выпрашивая о ней, слушая радостные сплетни и смущенные повествования.

Ой, Герда, Герда... Она все равно не рассказала бы мне ничего, с ее-то представлениями о том, что прилично, а что недопустимо, с вечным чувством собственной вины за все плохое, что с ней происходит, с неумением просить помощи. А окружающие хоть и знали, что творится, но бездействовали и молчали. Это ж не дуэль с возможным смертоубийством, а история обычная, житейская.

А ничего из ряда вон выходящего и вправду не случилось. В Университет, на механический факультет, из столицы приехали несколько студентов, их отправили на практику в оранжерею – изучать тамошние насосы, систему зер-

кал, отопления и прочее. И один из столичных гостей, некто Халлькель Керъяр вздумал приударить за Гердой.

В общем-то, я его понимаю. Герда такая славная, красивая. Но, как говорит Оле Сван, девушки, если она не шлюха, нужно добиваться, а не домогаться. А приставать к чужой невесте вовсе уж недостойно.

В Гехте покушаться на честь приличной женщины или девицы не рекомендуется. Вмиг нажалуется родственникам, и те явятся разбираться с хамом при помощи вил, шпаг или парочки уполномоченных законом стражников и повестки в суд. Действенно и сурово. Главное, скандал на весь город. Потому лучше спокойно прислать негодяю картель, предложив поединок один на один. Так честнее и благороднее.

Вызов на дуэль, вернее, поведение противника во время одного мало соответствовали описанному в книгах. Как вурд, человек благородной крови, может так... В общем, я абсолютно прав, что вызвал Халлькеля Керъяра на поединок.

Свидетелем я пригласил метельщика Кори. Во-первых, он искренне уверен, что подбивать клинья к чужой девчонке очень нехорошо. Во-вторых, сам уже несколько месяцев гоняет ухажеров от сдобной вдовушки Торы Хольм и собственной юной дочери, так что в делах такого рода сведущ. А в-третьих, что самое главное, Кори считает, что поединок дело правильное, а значит, не станет ни тащить меня за шиворот к Хельге на суд и расправу, ни с горестными воплями мчаться к капитану Свану, требуя ради моего же блага предотвра-

тить грядущее кровопролитие.

А кто считает, что простой метельщик не должен вмешиваться в дела вурдов... Тот может оставаться при своем мнении.

И вот стоим мы с Кори на пустыре за храмом Ханделла, известном месте городских баталий, а ни противника, ни его секунданта не видать.

– Не знаю, что за место столица, – ворчит честный метельщик, – может, там и принято опаздывать на поединки, но в храм воина Троппера благому Берне молиться не ходят, раз живешь в городе, уважай наш обычай!

Подождали еще немного. Я взглянул на хронометр, и тут же удар колокола на Часовой башне подтвердил наши худшие подозрения. Любой прибор может сломаться и начать врать, но слепой звонарь Пер не ошибается никогда.

– Час! – произнес Кори замогильным голосом. – Мы ждем его целый час. За это время можно не только добраться сюда с Короны, но и получить по морде на всех попавшихся на пути перекрестках и даже дать сдачи.

– Может быть, он заблудился? Человек не местный, города не знает.

У меня нет никакого желания оправдывать Халлькеля Керьяра, гада и невежу, но все же он вурд, и трудно поверить, что потомок древнего рода может допустить урон чести, не явившись на поединок.

– Хех, заблудился! Такие из дому в одиночку не выходят –

обязательно со слугой, а то и с несколькими. Еще и верхами все, убирай потом... А челядь на Короне вся местная, такая братия, где храм Меда или Берне, может не знать, а эту площадку ночью без фонаря отыщут.

Мы подождали еще час. Никого.

– Может, он вообще нас обдурил? – задумчиво сказал Кори. – Свалил втихаря из города, а мы тут... Пойдем-ка, Ларс, по домам.

Пошли. Кровожадный Кори предлагал раззвонить о бесчестном поступке Халлькеля Керьяра по всему городу, но я запретил ему это делать. Не из сострадания к противнику, а чтобы не трепали зря имя Герды. Метельщик все понял и одобрил.

– В случае чего мы с Торой за тебя, – сказал он на прощание. – И малая тоже. Эх, надо было по-простому морду набить, а то пока все эти церемонии... – Метельщик обреченно махнул рукой.

Попрощавшись, Кори направился в храм, что-то ему понадобилось от покровителя торговли или его служителей. Наверное, хочет попросить об удаче в делах для Торы. Мог бы не беспокоиться, выпечка хессы Хольм и без участия Ханделла славится на весь Гехт. Но, как бы ни была хороша жизнь любимого человека, все равно тревожишься за него и хочешь еще большего блага.

А я пошел домой.

Пока ждали бессовестного противника, стемнело. Не то

чтоб было сильно поздно, но в Гехте так: летом и в полночь светло, а зимой фонари приходится зажигать сразу после обеда.

Народ с улиц как вымело. По вечерам добрые горожане предпочитают сидеть дома – теплее, светлее и безопаснее. Хотя ночное чудище хлына в Гехте больше не свирепствует, но столкнуться с грабителями-подснежниками тоже не лучший дар Драконов.

Не заметить человека на пустой улице сложно. Но все же, если б не думал столь усердно о незнакомце, встревожившем Хельгу, на неожиданного попутчика, идущего по другой стороне улицы, я не обратил бы никакого внимания. Ничем не примечательный горожанин тащился следом, явно подстраиваясь под мой шаг, чтобы сохранить определенное расстояние. Если б я был важной персоной, подумал бы, что за мной идет слежка. Но кому нужен скромный хронист, и перед законом я чист, а если б и натворил чего, родичи-истинники давно бы уже сами душу вытрясли, а не стали бы вешать на хвост бубенчик.

Я еще раз оглянулся через плечо. Ничего особенного. Обычный припозднившийся прохожий. Страшно идти одному, вот он и старается пристроиться к попутчику, а расстояние держит, чтобы не отстать, но в то же время иметь возможность удрать, если прилично одетый юноша все же окажется замаскированным злодеем. Мне же опасаться во все нечего: у подснежников существует свой кодекс чести,

следуя которому «приличные» грабители не нападают на детей, убогих и юродивых. Хронисты причислены к последним. К тому же даже на Пятке убийцы подкарауливают своих жертв в темных подворотнях, а не тащатся следом.

Так дошагали до нашего дома. От калитки я из озорства помахал попутчику рукой. Куда он пошел дальше, смотреть не стал.

Не успел закрыть за собой входную дверь, как оказался в объятиях Герды. Я не слышал, как моя радость сбежала по лестнице. Неужто в прихожей поджидала?

– Ларс, ну почему ты так долго? Я тревожилась за тебя. Нос холодный. И губы. Ты почему без шапки и без перчаток ходишь? Идем греться!

Из-за закрытой двери кухни доносится звяканье котелка для барка и тянет запахом свежей выпечки. Там, несомненно, тепло, но Герда за руку повела меня в гостиную.

А там мягкий уютный свет камина. И горячие кристаллы переливаются драгоценными цветами, от граната к янтарю. До чего же хорошо дома!

Герда опустилась на ковер у камина, потянула меня за собой.

– Ложись, ложись. Вот так. Глаза закрой.

Нет в мире ничего лучше и уютнее ее колен. И руки... Теплые нежные ладошки касаются лица, легко поглаживают, согревают, а у меня дыхание перехватывает от любви и нежности.

– Теперь давай руки.

Герда, милая Герда, любимая. Ни жизни за нее не жалко, ничего.

– Ты где был? – спрашивает Герда. – В архиве? Или в Университете, в библиотеке? Искал что-то про Фьерхольм?

Фьерхольм – так звался город, стоявший прежде на Птичьем острове. Много веков назад, во время прихода ледника, он целиком ушел под воду. Все его жители погибли бы, но ведьма Стейнмунн упростила океан дать людям сутки отсрочки. Чтобы спасти себя, сил и времени ведунье уже не хватило. Она так и не узнала, успели ли ее сограждане добраться до материка. Призрак ведьмы до сих пор обитает на Птичьем острове. Мы с Гердой обещали Стейнмунн выяснить все, что удастся, о жителях Фьерхольма. Я роюсь в древних хрониках, а драгоценная моя ведьма пытается спросить у залива. Ведь вода вездесуща, она знает все.

– Где ты был? – моя радость смотрела встревоженно.

Ну что, хронист, сознавайся.

– Герда, я...

– Вот так растишь, растишь брата, а потом он – раз! – и, не поздоровавшись с сестрой, на колени к чужой девице.

В дверях, вольно опираясь рукой о косяк, стояла Хельга. Позади нее в коридоре изнывал Вестри. Сестра поставила ногу так, что пес, как ни старался, не мог проникнуть в комнату.

– Это с каких же пор Герда стала нам посторонней?

Услышать ответ сестры не довелось. Вестри все-таки прорвался, и мне пришлось срочно вставать, дабы не быть придавленным к полу и зализанным насмерть.

– Идемте ужинать, – сказала Хельга. – Гудрун заявила, что ждет еще три минуты, а потом...

Испытать на себе гнев домоправительницы не хотел никто.

Ужин – единственная в течение дня трапеза, за которой мы собираемся вместе. С утра никто, кроме основательного Оле, есть не хочет, да и некогда: вся семья, за исключением Гудрун, дрыхнет до последней минуты. Чуть не на бегу ухватить пару пирожков или блинчиков, кружку барка – вот и весь завтрак. Пообедать всем вместе получается редко – кто когда вернулся из города, того тогда домоправительница и кормит. А ведь есть еще трактир «Три петуха» и булочная Торы Хольм, куда мы в окаянстве своем частенько днем заскакиваем. Посему ужин, особенно в свободный день, когда никому не надо на службу, действие священное. Длительное и торжественное. Но и тут мы умудряемся нарушить ритуал.

– Заходил Магнус Берн, – говорит мне Хельга, стоит Гудрун отправиться в кладовку за чистыми салфетками. – Спрашивал, пойдешь ли ты сегодня в ратушу.

– Ночью?!

Это все из-за книги. Почтенный букинист обнаружил в своей лавке «Гербариум, или Список растений, от ледника в оранжереях сбереженных» – книгу, написанную более

ста лет назад, в существование которой он не верил, и, сдержав обещание, отдал ее мне, а я подарил «Гербариум» Герде. И все были бы довольны и рады, но хеск Магнус вдруг осознал, какое сокровище выпустил из рук, и теперь крутится, как фунс вокруг колдуна, подкарауливает меня возле ратуши, умоляет попросить у Герды книгу на время. Полистает пару часов, пристроившись в кресле для посетителей, погладит обложку, вернет со вздохом, а через день все по новой. Просить «Гербариум» у Герды лично букинист не соглашается, так как считает, что своими частыми визитами в оранжерею может юную деву скомпрометировать.

При всем уважении мы Магнуса Берна уже видеть не можем. Герде книги не жалко, но – надоел! Приходил бы днем к нам домой, любовался своим раритетом да с почтенной вдовой Гудрун о жизни рассуждал, так нет, боится нарушить наш семейный покой.

– Да отдайте вы ему, наконец, эту книжку, – щедро посоветовал Оле. – Раз уж она человеку так нужна.

– Герде она тоже нужна.

Моя радость скромно опускает глаза. Она давно вручила бы хеску Магнусу книгу, без которой букинисту жизни нет, но ведь «Гербариум» мой подарок, нехорошо от него отказываться. Это Герда. Она и мышь из кладовки не выгонит, побоявшись обидеть. Но если придется кого-то защищать... Разбегайтесь, враги, да хоронитесь лучше!

– Очумеете вы все трое, – добродушно предрек Оле, – ес-

ли и дальше будете так с этим «Гербариумом» носиться. Было б еще чего ради.

– Ты еще скажи, что все зло в мире от книг.

– Не от самих книг, а от неправильного их понимания.

– Если я все верно уяснила, – Хельга аккуратно положила нож и вилку рядом с тарелкой, – Герде важно содержимое «Гербариума», а хеску букинисту сама старая книга. Так отдайте ее тому же Магнусу в мастерскую, пусть перепишут. Ларс, подаришь Герде копию, букинист пусть забирает оригинал.

Продолжить разговор не удалось. Вернулась Гудрун, и все с честными лицами уткнулись в свои тарелки. Тем более что действительно вкусно.

Заметки на полях

Целый год, четыре месяца и двадцать пять дней Герда жила счастливо. Можно было бы и точное количество часов назвать, Ларс, дурачась, однажды уже начал загибать пальцы, подсчитывая, но так мелочиться перед судьбой нельзя – сколько ни есть, все мое, за все спасибо. Для себя знала: счастье началось в ту минуту, когда, спасаясь от преследователей, прямо на улице влетела в объятия Ларса и, подняв взгляд, увидела серые глаза в опушке золотистых ресниц и растерянную улыбку. И с тех пор жила в радости каждый день, каждую минуту, даже когда сомневалась, боялась, верила в плохое, даже когда подумать не могла, что будут вместе. Потому что Ларс есть. А еще счастливее потому, что любит.

Но теперь начал сниться сон. Один и тот же – тревожный, предвещающий беду. Полынья посреди заснеженного озера, соскальзывающая с края ее рука Ларса. Серебряное кольцо на пальце отражает луч солнца.

Первый раз все это привиделось перед поездкой на Птичий остров, последний – вчера. И приснилось-то как раз тогда, когда дремала после прогулки по заливу. Всем известно: ночной сон пальцем грозит, а дневной в колокола бьет. Одно хорошо, сразу никогда не сбывается. И тот, кого судьба предупредила, может попытаться ее переиграть.

Понимать проклятый сон буквально нельзя. Взять ту же полынью: нет в Гехте ничего подобного, тонуть здесь можно разве что в колодце. Беда случится, если Ларс уедет из города? Или вода тут вовсе ни при чем? А знак-предостережение, как Герда уже однажды думала, кольцо?

На Птичьем острове Ларс снял символ обручения, но ведь кольцо все равно было его. Так просто судьбу не перехитришь, надо, чтобы увиденное в вещем сне вообще никак не могло сбыться.

Женщины носят все кольца Хустри, мужчины – только то, которое соответствует семейному положению. Выйти замуж за Ларса, и серебряное помолвочное кольцо на его руке сменится золотом законного брака. Это и так случится в конце зимы, когда Ларсу исполнится восемнадцать. Но до этого еще так далеко!

Сколько лет ей самой, Герда не знала. В приюте Благого Берне учитывали только число воспитанников, а имена их и возраст никого не интересовали. В большой мир выпускали, как только кто-нибудь из горожан изъявлял желание забрать ребенка или когда тот начинал выглядеть более-менее взрослым и способным зарабатывать себе на жизнь. К тому же все документы, подтверждающие появление в приюте Герды, давно отдали в архив, и где они теперь, никто не знал и знать не хотел.

Ларс, правда, не так давно повстречал семью, которая могла быть Герде родной, но, узнав, как и почему эти люди

отказались от младшей дочери, девушка не хотела не только общаться с ними, но и чтобы они когда-либо вообще о ней узнали. Даже единственную найденную в архиве выписку из приюта, которую можно было как-то связать с ее прошлым, сожгла.

Расспросив о детских воспоминаниях, которые были отнюдь не богаты, Ларс как-то исхитрился вычислить по хроникам ее год рождения, а месяц и день назначили тот, когда Герду удочерил Оле Сван. Все просто решили, что ей в этот день исполнилось восемнадцать. Уже совершеннолетняя. Замуж можно.

От мыслей таких становилось радостно, но и жутко. Одно дело – принимать ухаживания в ранге невесты, думая о свадьбе, которая когда еще будет, все равно что «вот была бы королевской дочерью», больше воображать, чем размышлять о реальных событиях, но совсем другое – уже через несколько месяцев выйти замуж и быть... женой.

Но хватит прятаться за маленькую милую девочку, которую все любят и балуют. И за которую все решают. Тем более что всего, что происходит в замужестве, тоже хотелось.

Призналась в этом себе совсем недавно.

Хоть и видела Ларса каждый день утром и вечером, этого было мало. Иногда, сославшись на какое-нибудь срочное дело, убегала из оранжереи, быстро добиралась до ратуши и, убедившись, что в коридоре никого нет, приоткрывала дверь и заглядывала в кабинет Ларса. Смотрела, как он перебирает

на столе листки коры серого дерева и тома хроник, что-то пишет или читает, то улыбается, а то хмурит четко очерченные брови, задумавшись, крутит в длинных пальцах перо. Думала, почему никто в городе не замечает, какой Ларс красивый. Пробовала поговорить об этом с домашними, но Хельга только махнула рукой: «В твоих же интересах! А то гоняли бы сейчас на пару Ларсовых воздыхательниц из-под окон», а Гудрун запричитала: «Худой, бледный, не ест ничего, какая уж тут красота!»

Все равно Ларс самый лучший. Умный, добрый, смелый. Вот папа Оле, когда сказала ему об этом, только хмыкнул, примеряясь к кружке с барком, чтобы не замочить усы: «А то! За другого я б тебя, доча, замуж не благословил».

И от слов этих стало так невозможно радостно...

Оклик строгого отца «Эй, дочь моя, ты...» оборвал стук захлопнувшейся двери.

От дома Кьолей до ратуши совсем недалеко.

Целовались с Ларсом в его кабинете, сладко, но невинно. И вдруг накатило такое острое, сильное желание большего, что, испугавшись самой себя, вырвалась, оттолкнула парня и задала такого стрекача, как не бегала со времен недоброй памяти приюта.

Дома, хвала Драконам, никого не оказалась, даже папа Оле уже ушел на службу. Прошмыгнула в свою комнату и заперла дверь на щеколду, чего здесь никогда не делала.

К ужину выйти все же пришлось. Наскоро поковырялась

в своей тарелке и удрала наверх. Выносить растерянный, виноватый взгляд Ларса сил не было.

Спустя некоторое время дверная ручка заходила вверх-вниз. Раздалось звяканье посуды. Гудрун с какой-нибудь едой. Мысль о том, что кто-то в доме плохо покушал, для доброй домоправительницы невыносима. Герда затаилась. Пусть Гудрун решит, что подопечная спит, а сегодняшний выверт спишет на обычные женские дела. Хельга и та раз в месяц сама не своя.

Домоправительница удалилась. На смену ей явился Вестри и тоже принялся ломиться в дверь. Не пустила. Хотя его можно было бы. Пес, даже если догадывается, о чем думает младшая хозяйка, никому не расскажет.

«Если грешных мыслей нет, то и греха не будет» – единственная фраза, которую папа Оле помнит из «Завещания Драконов» и которую очень любит повторять по любому поводу. А теперь они, мысли эти, появились. И у Ларса, кажется, тоже... Вот так героини романов, поддавшись минутной слабости, теряли честное имя, и опозоренная семья прогоняла их прочь. «На мороз, в домашних башмаках, в пеньюаре и папильотках», – продолжил внутренний голос с насмешливыми интонациями Ларса.

Нет, из дома Кьолей ее никто не выгонит, но из-за доброты этой и душевной щедрости еще страшнее подвести семью, людей, ей, Герде, доверяющих.

Ох, какая же она все-таки испорченная! Или нет? Ведь

не блуд же творить собралась, а в законный брак по любви вступить. А замуж выходят не только для того, чтобы хозяйство вести. Наверное, действительно уже пора. А то вот... И сон проклятый снится. И Ларса обидела. Что он теперь думает? Влетела встрепанная, запыхавшаяся, сперва на шею кинулась, потом удрала, как от медведя.

Если бы Ларс был в своей комнате, Герда ни за что не решилась бы к нему войти. Но он одиноко сидел в гостиной, задумчиво двигая по узору скатерти дракончика-чернильницу одному ему ведомым маршрутом.

Надо бы подойти, но ноги будто сунуты в ведра с замерзшей в лед водой. Ну же! Изобрази бойкую, уверенную в себе девчонку, как в самом начале знакомства.

– Ларс.

Обернулся.

– Герда, я...

– Ларс, никак нельзя венчаться до совершеннолетия?

– Можно, только для этого нужно особое разрешение родителей или опекунов. Обоснование. Канитель жуткая. А... зачем?

Не опускать глаза, смотреть прямо на него, иначе не получится сказать сейчас, а потом – решиться еще раз.

– Чтобы не ждать лишние полгода. Я люблю тебя. Я хочу за тебя замуж. Хочу спать с тобой в одной постели. И все прочее. Но также хочу идти под венец девицей.

Ларс сидел красный, как заходящее солнце. А пальцы,

вцепившиеся в край стола, совсем побелели. Да, приличные девушки такого не говорят. Тут нужно приютское прошлое.

– Мы у Благого Берне часто воображали, как кто будет выходить замуж. Какое будет платье, фата, туфельки, перчатки. Мечтали, хотя все знали, что приютских девчонок не берут в семьи. Только в служанки или содержанки. Хотя первое не исключает второго. (А ведь когда только попала в дом Кьолей, думала, что как раз так. Но была согласна, на все согласна. Лишь бы с Ларсом... А когда осторожно спросила у Хельги, кем из двух предстоит стать, выражение у благородной вурдессы было, словно ее ударили по лицу.) Понимаешь, для меня выйти замуж по любви – это как чудо, сказка. Совсем другая жизнь. Считается, что всего: платья из золотистого кружева и дорогой ткани, фаты, брачного кольца – достойна только невинная девушка. Я хочу быть честной перед людьми и Хустри... А сегодня... Не сердись на меня!

Ларс судорожно вздохнул:

– Герда, милая... Я... Я знаю, девушка должна сама решать, когда готова. Я согласен ждать, сколько потребуется.

Три шага через гостиную, как на крыльях через пропасть. Добежала, обняла, уткнулась лицом в грудь:

– Ларс... Я не только из-за... Порядочная девушка не должна такое говорить... Ты теперь думаешь, что я...

– Я думаю, что ты самая замечательная девушка на свете, самая смелая, самая честная. Самая любящая, самая любимая.

– Я не хочу, не могу потерять тебя... Замуж только за тебя пойду... А умрешь – и я жить не буду...

Ларс поднялся и, бережно посадив Герду на стул, встал перед ней на колени.

– Герда, пожалуйста, посмотри на меня. Я знаю все? Тебе кто-то что-то сказал? Что-то обидное? Плохое?

Рассказать ему про...? Нет, нет, рассердится, захочет вступиться. Убереечь его от всего плохого, злого, грязного. А с охальником тем уже сама разобралась, долго теперь не сунется.

Крепко зажмурившись, чтобы и взгляд не выдал, Герда помотала головой и снова уткнулась Ларсу в грудь, как в норку юркнула.

– Нам всегда надо быть вместе... И верить друг другу... Тогда ничего плохого... Вдвоем справимся... Доверять...

Плечо Ларса под ее рукой слегка дрогнуло. Нет, показалось.

– А как же иначе? Только перестань плакать. А то начнешь прятаться, стесняться: нос, мол, распух, глаза красные. И не посмотреть на тебя будет.

– Да-а, чего смотреть, когда страшная?

– Значит, я люблю чудище колодезное. Или ты принцесса, злым колдуном в страшилище превращенная? Если поцеловать, спадут чары?

Только перед самым рассветом смогли они разомкнуть объятия и, простившись на несколько часов, разойтись по-

лусонными по своим комнатам. А через сорок минут в дверь дома Кьолей постучал гонец, прискакавший с Восточного тракта с важной вестью.

Глава 3

Когда чуть не половина семьи служит в Палате Истины, о спокойной, размеренной жизни можно и не думать. Как это не раз уже бывало, Хельгу и Оле подняли до рассвета. На тракте, ведущем в Форк, ближе к нашему городу, то ли кого-то выследили, то ли уже поймали, но присутствие капитана городской стражи и главного прознатчика Гехта было необходимо.

Несмотря на ранний подъем, Оле и Хельга были бодры, собранны и деятельны. Это мы с Гердой колышемся, как привидения, и чуть не стукнулись лбами, вывалившись из комнат в коридор. На воздухе стало полегче, но все равно кованные перила крыльца оказались как нельзя кстати. Уцепился и почти повис в вертикальном положении, свободной рукой обняв Герду, которой тоже была необходима поддержка.

В принципе, все прекрасно собрались бы и уехали и без нашего присутствия. Но на-а-адо же обнять на прощание любимую сестру. И выслушать наставления будущего тестя.

Пока Гудрун носилась, как фунсовка на кочерге, собирая наших охранителей в дорогу («Хельга, штаны теплые наде-ла?»), а сама хесса главный прознатчик, сидя на седельной суме, романтично созерцала бледные предутренние звезды и поглаживала устроившегося досыпать на крыльце Вестри,

Оле вещал о важном:

— Герда, одна поздно не ходи. Ларс, ты ее вечером встречай обязательно.

— Да.

— На Пятку до моего возвращения не суйся. Нет там ничего важного, чтоб одному в воровской квартал лезть.

— Да.

— Гудрун тут помогайте. Воды принести, снега с крыши, кристаллов горячих.

— Да.

— Ты меня слышишь?

— Да.

— По шее хочешь?

— Да.

— Ты ж мышь! Проснись уже, сейчас Герду уронишь!

— Нет.

Оле все же удалось добиться от нас с Гердой обещания вести себя хорошо и прилично, не позорить его седины (чуть меньше полутора лет назад, в возрасте сорока одного года, капитан Сван избавился от курчавой светлой от природы шевелюры и с тех пор аккуратно бреет череп), слушаться Гудрун, хорошо кушать и вовремя ложиться спать (кажется, это уже сама домоправительница вставила). На том наставления и закончились.

Наконец все были собраны и посажены в седла, обняты и поцелованы на прощание. Оле показал нам отцовский ку-

лак («И чтоб без глупостей!»), Хельга улыбнулась своей королевской улыбкой, и наши тронулись в путь. Лишь у ворот на секунду замешкались: какой-то ранний прохожий испуганной курицей шарахнулся чуть ли не из-под копыт кхарнов. А мы, оставшиеся, отправились в дом досматривать сны.

Оле Сван любит порассуждать о том, что не понимает, почему служители оранжереи до сих пор меня терпят, а не собрались всем миром и не вытолкали за порог своего заведения, лишив права вернуться. Ошиваюсь там постоянно, мешаю людям цветы поливать, да еще и Герда из-за того, что я ее провожаю и мы долго прощаемся, постоянно опаздывает.

Наглая клевета, пустой поклеп. Во-первых, помимо оранжереи я еще много где бываю, есть дела служебные и личные. Во-вторых, не только никому не мешаю, но даже никогда не отказываюсь помочь – например, поднести тяжелую лейку с водой, и не только Герде. В-третьих, капитан Сван сам ежедневно провожает мою сестру на службу, даже если ему в тот день в караулку можно не приходить, и стражнической своей галантностью уже восьмой год веселит весь город. А в-четвертых, никогда Герда и не опаздывает.

Вот и сегодня мы успели вовремя. Слепой звонарь Пер на Часовой башне только начал отбивать первый удар, означающий начало очередного часа, а мы уже стояли на крыльце оранжереи. Время Орла, целых одиннадцать ударов колокола. Пока Пер будет раскачивать медный колокольный язык, пока басовитый гул будет плыть над городом, сперва посте-

пенно набирая силу, потом неспешно затихая, пока колокол будет солидно молчать, словно оценивая свой голос и готовясь к следующему вескому слову, — все это драгоценные лишние секунды, когда можно держаться за руки и смотреть друг другу в глаза. Целая бездна времени.

А день сегодня хороший, прозрачный и светлый, какой бывает только ближе к концу зимы, когда минула пора морозов и тьмы, и, несмотря на холод, солнце плавит прозрачные сосульки, и я еще до вечера украду Герду из ее оранжереи, и мы пойдем по звонким улицам, послушаем музыкантов, играющих на углу Замковой и Каменной, а потом будем разговаривать о том, как у кого прошел день, о Гердиных цветах, о моих летописях, о книге, которую вчера вечером читали друг другу вслух, и о множестве других вещей, событий и явлений и поднимемся на Часовую башню, где от каменной горгульи виден весь город, будто стоишь прямо на небе, но я опять теряю слова, ладно, пусть будет сюрприз, хотя Герда наверняка уже все знает, догадалась, и также знает она главное — что я люблю ее.

Но затихает звук последнего удара колокола. Пора. Словно теплый солнечный лучик скользнул по щеке поцелуй Герды, и скрылась она за дверью оранжереи.

Я постоял еще немного, счастливо щурясь на примостившееся на краешке крыши солнце, сберегая дивные ощущения прощания и борясь с желанием умыкнуть Герду прямо сейчас. Но, как говорит сестра, надо иногда и совесть иметь.

Тем более несколько часов разлуки пройдут не просто так, а в ожидании встречи, в чем есть своя несомненная радость. Какой же сегодня замечательный день!

Стоящий у крыльца Ским нетерпеливо всхрипнул.

Я глубоко вдохнул вкусный холодный воздух, спустился наконец по ступенькам и радостно улыбнулся капралу Освальду Харпу, явно чем-то расстроенному и озадаченному. Стражник и несколько сопровождающих его незнакомых служивых остановились.

– Ларс Кьоль, хронист города Гехта?

– Д-да...

Уж не спятил ли доблестный капрал? Он меня уже семь лет как знает, с самого детства.

– Именем королевства, вы арестованы.

После того, как год назад меня своевольно арестовал хесир Мелль, Хельга провела разъяснительную беседу. По одному загибая длинные красивые пальцы, сестра со всей въедливостью и занудством выпускницы юридического факультета перечислила слова и действия, правомерные при задержании государственного преступника. Если что-то не так, можно и нужно сопротивляться и звать на помощь городскую стражу.

На этот раз все было правильно.

Приказ об аресте мне зачитал капрал Освальд Харп, в отсутствие Оле и Хельги первый по старшинству в Палате Истины Гехта. Его сопровождали стражники из самой столицы.

Они же должны были отвезти меня в Бьёрнкрог. Незамедлительно. Никаких обвинений пока что не предъявляют, арестованный именем короля узнает о своих злодеяниях только в столичной тюрьме Арахене.

Шпагу пришлось отдать Освальду Харпу. Хорошо хоть руки не связали. Собирались, но капрал не позволил. Встал рядом – мощный, крижистый, словно межевой камень, – и так зыркнул из-под седых лохматых бровей, что столичные стражники без слов отступили.

Сейчас капрал ехал рядом со мной.

– Что натворил, Ларс? – тихо спросил он.

С другой стороны тут же присунулся начальник конвоя. При аресте он назвал себя, но я так растерялся, что не запомнил имени.

– С арестованным не разговаривать!

И, как ему казалось, незаметно поманил одного из своих людей. Думает, что все провинциалы заодно, только и смотрят, как столичным напакостить и дураками их выставить. Как бы на побег не сговорились! Только я и не думаю скрываться.

Харп и начальник конвоя в одном звании, но шнуров за выслугу лет и боевые заслуги у Освальда столько, что молодого и щуплого столичного щеголя можно с помощью их увязать рулетом, да три нашивки за ранения, да рукав мундира от лычек, полученных за участие в рукопашных, полосатый. Освальду ничего не страшно. Не знаю, что прочел

в его тяжелом взгляде начальник конвоя, но слабоват он оказался против стражника из университетского города. Замолчал и отъехал.

— Как же так, Ларс, а? — повторил Харп, горестно покачав головой. — Я ведь Оле в отряд привел, Хельгу девчонкой помню. А теперь тебя под конвоем везу. Именем короля!

— Я не знаю, Освальд. Я честно не знаю.

Я действительно не понимал, за что меня арестовали. Перебирал в памяти грехи недавнего времени — ничего, что могло бы оскорбить корону или нанести вред государству. Даже наоборот. Король вряд ли вспомнит, но прошлым летом он вручил мне именную шпагу за участие в разоблачении кровожадной секты. А перед этим по просьбе Хельги вступился, мигом разобравшись с ложным обвинением в государственной измене. Да вурд, не нарушавший закон, вообще не должен бояться короля! И сам по себе государь Хрольв человек порядочный и умный. Вот доберемся до Бьёрнкрога...

Ой-ей, а ведь в столице мы будем только завтра вечером, и то в лучшем случае. А забрали меня прямо с улицы, ни домой, ни в ратушу зайти не дали. Никто и не знает...

— Освальд, а семью арестованного как скоро извещают? Я ж дома к ночи не появлюсь, наши переживать будут.

Капрал посмотрел на меня с сожалением.

— И Герду я вечером встретить должен был...

Как и предполагалось, добираться до Бьёрнкрога ночью,

без отдыха, мы не стали. Остановились в большом придорожном трактире. Столичный капрал (фунс, как же его зовут?) показал хозяину заведения подорожную, и тот только солидно кивнул. Люди его ремесла мало говорят и никогда не отказывают в гостеприимстве государевым служивым.

Зал трактира большой и пустоватый. В торговое время проезжающие купцы складывают в нем на ночь товары. Все здесь кондовое, мощное, некрасивое, но крепкое, сделанное на века. Столы и лавки расставлены вдоль стен, середина зала свободна. Хочешь – пляши, хочешь – дерись, а хочешь – мирно укладывайся спать на тюки с товаром.

Нам были отведены комнаты наверху, но подниматься туда никто не торопился. Надо же сначала обогреться у камина, поесть. Столичный капрал нетерпеливо позвякивал ключами. Ему очень хотелось поскорей запереть арестованного. Как же, марширую с бодрой песней. Потерпит. Отгородившись от стражи Освальдом Харпом, я прислонился к стене и не спеша прихлебывал барк. Раз конвоиры хотят ночевать с комфортом, то я тоже не вижу причины лишние часы мучиться в душной комнате. Тем более что к трактиру кто-то подъезжает, а хотя бы два человека из разных компаний, встретившись в таком месте, обязательно заведут интересный разговор, будут обмениваться новостями.

Но послушать мне явно не дадут. Капрал такой-то раздулся от гнева и ключами уже чуть не над головой размахивает. Как его, такого несдержанного, необученного, неуверенного

в себе, поставили командовать людьми и к тому же отпустили на самостоятельное задание? Оле, сына и внука стражников, почти что выросшего в казарме, прежде чем что-то поручить, натаскивали шесть лет. Зато и до капитанского звания Сван дослужился в рекордно короткий срок. Про него говорят, что, если Оле бросить в прорубь, он вынырнет с рыбой в зубах. По совокупности заслуг Сван давно мог бы получить титул, но, побывав с Хельгой на паре приемов, отнюдь не жаждет пышной жизни вурда, сильно мешающей служилому человеку, а тунеядцем быть не хочет.

Будет же мне, когда вернусь, от Свана на пряники. И от Хельги. От Гудрун, конечно. Только Герда и Вестри все простят и искренне обрадуются. Хочу домой.

Освальд Харп покосился на исходящего на пену коллегу, скривился и виновато развел руками. Ладно, понимаю, этот деятель никому покоя не даст. Пойду уж.

Лестница, ведущая наверх, находилась возле входной двери. Я еще успел подумать, поднявшись на первую ступеньку, кто и чего ради разместил их так нелепо, но тут дверь распахнулась.

Какие-то вооруженные люди волной перевалили через порог и устремились к стражникам. Мне никогда не приходилось видеть прорыв подснежников из обложенной стражниками бандитской «ямы», но, думаю, выглядит это примерно так же.

Охранители не сплеховали. Единым слаженным движе-

нием вскочили, выхватили из ножен палаши. Освальд Харп умудрился опрокинуть стол, и теперь стражников отделял от нападающих своеобразный щит. Не очень удобно в рукопашном бою, но дает обороняющимся пару минут, чтобы занять боевую позицию и понять, что происходит.

Битва начиналась в другом конце зала, а я по-прежнему стоял на лестнице возле распахнутой на волю двери один и без оружия. В мою сторону никто не смотрел.

В детстве, когда ростом был пониже, кататься на двери было одно удовольствие. Ухватишься за ручки с двух сторон, оттолкнешься, подогнешь колени – и только следи, чтобы не стукнуться о косяк и не прищемить пальцы. Сейчас этот трюк удался не столь легко, но секунды, необходимые на то, чтобы спуститься и оказаться у порога, я сберег. С крыльца можно не сбегать, а спрыгнуть вбок. Дверь кхарни запирается на простой засов. А уж своего Скима я опознаю и в ночь новолуния с завязанными глазами.

Ни узды, ни седла на кхарне, естественно, не было, но в приграничье детей учат ездить охлябь.

Я припал к мохнатой шее быка:

– Ским, вперед! Выручай, брат!

Хорошо, что скаковые кхарны все понимают с полуслова. И хорошо, что ведущий в трактир дверной проем оказался достаточно широким и высоким.

В Белом Поле нет никого, кто мог бы одолеть кхарна. Только перед хрустальными пауками испытывают косматые

дикий непреодолимый страх. Жесткая длинная шерсть защищает быков от клыков хищников, а крепкие рога и острые копыта – превосходное природное оружие. Два кхарна, вставшие бок к боку хвостами в разные стороны, способны держать оборону не хуже закованных в броню воинов. И защищать кого-то, кто оказался между ними. А еще кхарны прекрасно умеют отличать своих людей, не только хозяев, но и тех, с кем пробыли в дороге хотя бы час, от чужаков.

Мы со Скимом ударили во вражеский тыл по всем правилам военной науки. Не зря же отец подобрал мне кхарненка, когда сам я еще только осваивал территорию Кьольхейма на четвереньках, а после, в Гехте, командир гарнизона полковник Андор Гьерн уделял нашему обучению в манеже достаточно времени.

Только вот оружие в руке мне бы отнюдь не помешало.

От вторжения обалдели и свои и чужие. Замерли статуями в мастерской скульптора. Только ругался и подвывал тот, кого Ским поддел рогами и отбросил в угол.

Первым очнулся Освальд Харп:

– Ларс, держи!

Брошенную шпагу я поймал на лету.

Теперь у нас было ощутимое преимущество перед противником, но битвы не получилось. Разом развернувшись, нападающие бегом припустили прочь из трактира.

А наши замешкались. Перевернутый стол и вставший посреди зала кхарн теперь только мешали.

– За ними, в погоню! – воинственно взмахнул палашом начальник конвоя.

– Стоять! – бас Освальда Харпа перекрыл петушиный выкрик столичного капрала. – Ночью, без разведки, прямо в засаду угодим.

– Эй, а платить? – Способность исчезать быстро и появляться вовремя отработана поколениями трактирщиков до совершенства. – Может, вы все одна шайка. Удерете под шумок. Еще и зверюгу в зал приволокли!

– Да ну! – Освальд Харп сделал вид, что только сейчас заметил меня и Скина.

«Мог бы удрать», – ясно читалось во взгляде капрала.

Мог бы. Какой порубежник не умеет путать следы в Белом Поле? Уйти от погони, затеряться, а через пару дней заявиться в Бьёрнкрог и по древнему праву вурдов потребовать от короля честного ответа.

Мог бы. Если бы число нападающих не превосходило конвой вдвое. Если бы честный Освальд Харп, упустивший арестанта, сам не отправился бы под суд. Если бы...

А, да что там! Вины за собой не знаю, значит, и бояться мне нечего. За что королю карать верного вассала?

– Капрал Харп! – опомнился начальник конвоя. – Как смели вы дать арестованному оружие?

Как сумел, так и смел. Покрошили б тут всех без Освальда. Ну и без нас со Скимом, наверное.

Я спешился и, отвернувшись от начальника конвоя, эфе-

сом вперед протянул свою шпагу Освальду Харпу.

Глава 4

Когда я называю узилище Гехта тюрьмой, Оле Сван всегда пренебрежительно машет рукой:

– У нас каталажка. Вот в Бьёрнкроге – тюрьма!

Арахена. Грозный замок, укрепленный куда лучше любой приграничной крепости. Он стоит посреди города, но вокруг него пустое пространство, будто прочие дома расступаются и боязливо ежатся, не смея взглянуть на высокие бурые стены. Увенчанная башней под островерхой крышей, столичная тюрьма похожа на злобно усмехающуюся колдунью в плаще с капюшоном. Кого затащит она под складки-стены, тому уже нет спасения.

Город со времени его основания уже дважды полностью перестраивали, а Арахена стоит неизменная.

Здесь действуют свои законы. Стоило ступить на вымощенный серой брусчаткой двор, как меня тут же схватили за шиворот и поволокли без лишних церемоний. Последнее, что увидел на воле, – растерянное лицо столичного капрала по ту сторону захлопывающихся ворот. Прочие конвойные, Освальд Харп и Ским тоже остались там.

Я пробовал упираться и требовать королевского суда, но тюремщик так встряхнул непокорного арестанта, что дышать оказалось гораздо нужнее, чем говорить. А потом меня зашвырнули в камеру и заперли дверь. Предъявлять свои

права стало некому.

Направленный мощным толчком, я пролетел до противоположной стены. Все помещение шагов пять в длину и не намного шире. Большую часть пространства занимает плоский каменный выступ и дыра, плотно закрытая чугунной крышкой. Ни одного окна, только под самым потолком темнеет круглая отдушина.

В камере холодно. Не до окоченения, как в Белом Поле, но ни лежать, ни сидеть на голой каменной постели невозможно. Только топтаться по узкому свободному пространству или стоять.

Через пару часов ноги начали гудеть нестерпимо, поясницу и плечи ломило, голова кружилась от бесконечных поворотов. Если те, за кем, может, и нет никакой вины, содержатся здесь в таких условиях, то что же делают со злодеями, чьи преступления доказаны?

Еще через полчаса пришло откровение: если встать, наклонившись под углом, прислониться лбом к сложенным на стене рукам, опереться, то терпеть можно. Стенка справа от двери оказалась самой приветливой. Сколько я провел возле нее, не знаю. Кажется, что вечность.

Голоса были слышны так ясно, что я сначала подумал, что кто-то незаметно вошел в камеру. Но нет, я по-прежнему был заперт в одиночке, а разговаривали в коридоре. Странно.

– ...Притащили сегодня одного щенка породистого.

– Что натворил?

– Говорят, измена государству.

– Правда, что ли?

– Да не, не думаю. Мало ли что эта мелкота по дурости болтает. У меня дочка – и то... В каждом, что ли, измену искать? Выпороли б мальчишку без особой огласки да родителям на руки сдали, чтоб дальше сами воспитывали. Так нет, он в амбицию: я, мол, достоверный вурд и требую королевского суда. Тут уже сам канцлер заинтересовался.

– И что?

– Известно что, Хегли Секъяр из когтей никого не выпустит. Вот уж точно коршун, клюв железный. Королевский суд, не королевский, а если докажут измену, все равно повесят.

– Не, вурдов не вешают – расстреливают.

– Будто ему, или родителям, или кто у него там от этого легче будет. Если останется еще к моменту казни что расстреливать. Одна надежда, сообразит парнишка сразу показаться, а то и заплакать.

Собеседники за стеной еще повздыхали многозначительно, поцокали языками и удалились.

Что происходит? Меня уже постигло описанное во многих книгах безумие узников? Или же уподобился злодею из назидательной повести, которого голос матери убеждал показаться? Камера, в которой прекрасно слышно все, что происходит в коридоре? И стражники, не нашедшие лучшего ме-

ста, чтобы посудачить о заключенном, кроме как у ее двери?

Ой, до чего же ловко все устроено! В холодной маленькой камере рано или поздно устанешь и прислонишься к стене. Удобнее всего именно к этой, где устроен тайный послух. Устроен так, что до заключенного в нужное время доходит все, о чем говорят в коридоре. Упрямому узнику, можно сказать, несомненное указание дают, как вести себя дальше, чтобы не усложнять жизнь себе и людям.

Извините, хессе, но у меня родная сестра главный прознатчик.

Догадливость моя, однако, никакой пользы не принесла. Так и стоял, опершись о стенку, пока не открылась дверь и некий хмырь не вручил мне поднос со скудным обедом (ужином?), а потом приволок тощий тюфяк: хочешь – ложись на него, хочешь – сверху укрывайся. Этому старому мешку, набитому шерстью до того свалявшейся, что по жесткости постельная принадлежность мало чем отличалась от каменного ложа, я обрадовался больше, чем самому желанному подарку на праздник Нюсне. Быстро расстелил его и лег. Хорошо-то как... Но долго блаженствовать не пришлось. Явился все тот же хмырь, без особых церемоний поднял меня и за шиворот поволол на допрос.

Как-то раз, еще в первый месяц самостоятельной службы в качестве хрониста, я сдуру влез в допросную камеру. Пробыл там ровно три минуты – столько понадобилось Оле Свану, чтобы заметить, дошагать до меня и, ухватив за пле-

чи, легко переставить через порог. Тогда я не успел ничего толком разглядеть, хвала Драконам и капитану Свану. Жаль, что я понял, какое это было благо, только сейчас.

Допросная палата Арахены была очень просторная, но с низким потолком. Он давил сверху, будто каменная плита в гробнице на Птичьем острове. Светильники на стенах располагались так, что светлые зоны чередовались с затемненными, где ничего нельзя было разглядеть. Словно в лабиринте: беги куда хочешь, все равно не вырвешься. Тюремный упырь выпихнул меня почти на середину зала, и я показался себе маленьким, как мышь в сундуке, но, в отличие от проворного зверька, не видел ни одной лазейки, ни одной возможности удрать и спрятаться.

– Обернись.

Хельга как-то говорила, что каждый человек перед важным для него разговором специально или бессознательно продумывает для себя ход беседы: что сказать, что сделать, с каким лицом, какую интонацию придать голосу и как отреагирует на это собеседник. Сбить подозреваемого с намеченной роли, удивить его чем-нибудь неожиданным – и допрос пойдет гораздо легче. Толстячок-добрячок в роли прознатчика на первых порах сможет выяснить гораздо больше, чем ожидаемый жуткого вида костолом. А уж скольких подснежников озадачила и быстро расколола бледная худосочная девица хесса Кьоль!

Человека, смотрящего на меня сейчас, вероятно, назначи-

ли вести допрос из тех же соображений. Мужчина Хельгинских лет или чуть постарше. Лицо красивое, живое, человеческое: ни зверских гримас, ни нарочитого отсутствия эмоций. Судя по золотистой коже и черным волосам, или сам с Южной Дуги, или кто-то из недавних предков оттуда.

Сто двадцать лет назад из глубин Белого Поля вдруг вышел некий невиданный прежде народ. В отличие от кочевников, держались пришельцы мирно и уважительно. Расспросив жителей приграничья, отправили к королю посольство с просьбой разрешить им поселиться в его владениях. Про прежнюю жизнь говорили, что обитали далеко на юге, откуда бежали, спасаясь от набегчиков, разоряющих их поселения и похищающих людей.

На новом месте южане прижились легко. Люди как люди, только мастью от светлых северян отличаются. Из-за непривычной интересной внешности их сперва охотно нанимали в слуги, а потом принялись брать в семьи. Среди тогдашней знати случился раскол: кто-то хотел непременно привезти жену или жениха для дочери, сестры с Южной Дуги, кто-то настаивал на том, что родниться можно только с соплеменниками. Через поколение споры утихли, а еще через годы подданные земли Фимбульветер смешались между собой настолько, что делить их на племена и народы не стало никакого смысла.

– Подойди.

С прознатчиком на допросе спорить можно. Даже долго,

вплоть до истерики. А толку?

Истинник расположился за накрытым столом. Так занят, что и поесть иначе, как на службе, времени нет?

– Сядь.

В каталажке Гехта табуреты массивные, тяжелые, как осознание греха, никакому дюжему преступнику не удастся быстро поднять такой и огреть прознатчика по кумполу. Здесь же к столу придвинута самая обычная мебель, у Гудрун на кухне точь-в-точь такая табуретка. Даже тонкая войлочная подушечка положена на сиденье.

И от наличия в допросной палате этой милой домашней табуретки мне вдруг стало по-настоящему страшно.

Я сел на табурет, крепко сцепив пальцы, чтобы незаметно было, как дрожат руки.

Прознатчик, поглаживая короткую аккуратную бородку, разглядывал меня холодным змеиным взглядом.

– Мое имя Хегли Секъяр, я канцлер королевства. Лучше будет, если ты расскажешь о своей измене добровольно и быстро.

– Какой измене?!

Канцлер коротко кивнул, но жест его предназначался не мне.

Какой-то тип, похожий на оплывший по весне сугроб, явился из скрывающих угол теней, бесцеремонно ощупал мои запястья и, пробормотав что-то о том, что «дырки новые в ремне вертеть, чтоб затянуть», удалился.

Хегли Секъяр задумчиво постукивал пальцами по столешнице.

– Тебя в детстве моим именем пугали? – спросил он почти ласково.

Имя его было известно меньше, чем Харальда Секъяра, Зерцала Честности, легендарного канцлера, приходящегося Хегли дедом. Но и про внука толковали много, и не то чтоб с любовью. А иногда говорили, нет, шептались, что Фимбульветер правит вовсе не король Хрольв.

В чем же меня обвиняют, если за расследование дела взялся такой человек?

– В какой измене? – затравленно повторил я.

Канцлер снова кивнул. Ни к кому не обращаясь, просто соглашался с собственными мыслями.

– Хронист, – задумчиво протянул он. – Значит, руки и глаза.

И тут же стремительно выбросил руку вперед, ухватил меня за ворот камзола и пригнул к столу, одновременно сбросив крышку с одного из блюд, так что я почти ткнулся носом в лежащую на тарелке вареную рыбину.

– Глаза, – со значением повторил Хегли Секъяр.

Второй рукой он надавил мне на затылок, так что ни вернуться, ни отстраниться не было никакой возможности. Ребро столешницы больно впивалось в грудь. Запах вареной рыбы, казалось, заполнил весь мир, сузившийся до кривой треугольной морды и вываренных белесых белым.

– Это сделал кипяток. Потребовалось совсем мало времени.

– Закон запрещает пытаться вурда... – Голос срывается на хриплый шепот. – Тем более несовершеннолетнего...

– Измена не имеет возраста, пола и положения в обществе. К тому же я готов во благо государства нарушить закон и понести за это наказание. Но будет ли тебе от этого легче?

Канцлер поднялся и дернул меня в сторону. Смуглый кулак скручивал ткань камзола и упирался под подбородок, заставляя меня запрокидывать голову и смотреть в спокойное золотистое лицо.

Без усилий протаскивая до стены, канцлер швырнул меня на стоящую там скамью. Хорошая скамья. Очень удобно повалить на нее узника, привязать руки и ноги, а потом принести котелок с кипящей водой.

– Ну! Вспоминай, хронист, у тебя память хорошая. Книга в черном тисненном переплете, узор напоминает чешую полоза.

– «Гербариум»?!

– Чего?!

И вот тут меня взяли такая злость и обида... Да будь Хегли Секъяр хоть трижды канцлером королевства, он обязан для начала сказать, в чем конкретно меня обвиняют. Да и с вопросами своими определиться. Это я должен удивляться, откуда в столице проводали про «Гербариум» и почему вдруг решили к нему прицепиться.

– «Гербариум, или Список растений, от ледника в оранжевых сохранных». Написан и переплетен сто три года назад в городе Ольдре, восемьдесят восемь листов пергамента с текстом и рисунками, в четверть листа размером, переплет черный, под змеиную кожу тисненый, на корешке название золотыми буквами.

Я чуть было не сказал, что тисненым переплетом и золотыми буквами мы любовались лишь до конца минувшей недели, потом Магнус Берн бережно обернул книгу белой холстинкой, но вовремя замолчал. Не нужно без необходимости упоминать лишние имена, создавая людям неприятности.

Примерно три минуты Хегли Секъяр смотрел на меня, как кухарка на куриную тушку: то ли целиком зажарить, то ли на котлеты порубить.

– А ведь ты не врешь, – наконец изрек он.

Хессир канцлер не знает, что хронисты всегда говорят правду?

Прогулявшись до стола, Секъяр вернулся с наполненной кружкой. Сунул мне в руки:

– Пей.

Сопротивляться бесполезно, все равно скрутят, зажмут нос и волют, что надо.

Я осторожно отхлебнул. Отвар камилки. Я такой дома пью, он вкусный. Говорят, этот напиток из мелких белых цветов успокаивает. Вот уж что сейчас и вправду необходи-

мо.

– Значит, вы в своем университетском городе раскопали книгу, один в один похожую на «Соперника».

Четыре часа мы сидели по разные стороны стола и разговаривали. Канцлер задавал вопросы, я отвечал. Хельга тоже мастерица спрашивать так, что человек в результате поведает то, о чем и не подозревал, что знает, но до хессира Хегли сестре далеко.

Секъяра интересовал «Соперник» – священная книга еретиков, полагающих, что Драконов можно вернуть в видимый мир при помощи человеческой крови. Черная книга, один в один схожая с невинным «Гербариумом». Год назад она была в Гехте, но во время облавы на сектантов бесследно исчезла.

А меньше недели назад некий верный подданный короля Хрольва, искренне пекущийся о благе государства, но не пожелавший назвать свое скромное имя, прислал в личную королевскую канцелярию донос. Проклятая книга находится в Гехте, в доме хрониста Ларса Кьоля, каковой хронист... Дальше можно уже не читать. Всякое содействие еретикам приравнивается к государственной измене и личному оскорблению короля.

– Почему такое странное название – «Соперник»?

– Сектанты считают, что, отказавшись отдавать свою кровь, люди предали Драконов. В «Завещании» нет ни слова про жертвы, значит, это книга-предатель. Ей противостоит

истинное знание – «Соперник». Так ты говоришь, «Гербариум» часто лежал у тебя на столе? Кто интересовался им?

«Гербариум» отличается форматом и переплетом от многочисленных томов хроник. Кто угодно мог полюбопытствовать «Что читаешь?» или, скучая в ожидании нужного документа, заглянуть в необычную книжицу. Орм, командор ордена Багряного Дода, все хроники у меня на столе перерыл, не прекращая при этом неспешного разговора. Но при мне страницы «Гербариума» листал, кроме Герды, лишь один человек.

– Магнуса Берна не трогайте. Он просто старик, любящий редкие книги.

Канцлер фыркнул:

– Ты и вправду думаешь, что букинист, в руки которого попал «Соперник» или другая опасная для государства книга, не сообщит об этом немедленно? Но донос на тебя написал не он. Думай, кто видел «Гербариум», но не имел возможности заглянуть внутрь. Или же, наоборот, слишком хорошо знал, что за книга лежит у тебя на столе.

Хронист должен примечать, запоминать и после при необходимости вспоминать все. Не всегда удастся сразу сделать запись о том, чему был свидетелем.

Я думал и вспоминал. Сколько разных людей приходило в ратушу? Совсем незнакомые жители Гехта и те, с кем мы знаем друг друга почти что половину моей жизни. Кто из них мог написать донос? Если верить Хегли Секъяру, то кто угод-

но.

– Донос, арест... Какой вообще во всем этом смысл?

– Им нужен ты. Вытянуть из города, захватить, при этом сделать так, чтобы ты не мог вернуться в Гехт.

– Поэтому налет в трактире?

– Да. Тебе он не показался странным? Так халтурно заложников берут только неопытные воришки, застигнутые стражниками в мелочной лавке. Я говорил с вашим Освальдом Харпом, и мне нет причин не верить человеку, излазившему Белое Поле лучше, чем чердак в собственном доме. Знаешь, что ответил ветеран? Ни одна банда, думающая и впредь промышлять и здравствовать на свободе, не станет действовать столь по-идиотски. Есть уйма способов похитить человека, ничем не рискуя, даже из запертой комнаты, не то что на тракте. Но даже если они собирались перебить всех свидетелей и спалить трактир, все равно опытные преступники выслали бы вперед наблюдателя, чтобы огляделся, как и что.

– Эффект неожиданности?

– Для обеих сторон? Они давали тебе возможность удрать. Думали, что задашь стрекача, как вспугнутый заяц, тем самым полностью подтвердив свою вину. Потом тебя бы встретили в Белом Поле. Объяснили, что возвращение в родной город невозможно, а если останешься с ними, то... Вариантов много. От исполнения любого желания до простого сохранения жизни.

– Намудрили. Почему они просто не украли книгу? Да и я в Гехте часто хожу один. Мешок на голову или дубиной по затылку...

– И тогда в хвост злодеям тут же вцепилась бы лучшая Палата Истины во всей земле Фимбульветер. Но если бы ты сбежал из-под ареста, капитан Сван и хесса Кьоль не скоро смогли бы заняться твоими розысками.

Это правда. Семьи государственных преступников в покое не оставляют.

Я машинально отхлебнул из кружки. Вместо отвара камилки там оказался горький напиток из зерен бёна. Его пьют для бодрости и ясности мысли. Канцлер подлил? Когда успел?

– На что я вообще им сдался?

– Во время облавы на еретиков «Соперник» исчез из Гехта вместе с некой Гидой, занимавшей в секте далеко не последнее место. Позже вы опять встретились на Птичьем острове, Гида погибла, а ты нашел что-то, что снова спрятал.

– Там был только дневник человека, жившего в городе, что стоял на месте Птичьего до прихода ледника! Нельзя брать вещи мертвых, не завещанные тебе, поэтому я вернул все на место. Ваш осведомитель не знал, что это «что-то»? Кстати, кто?

– Кто доложил мне такие подробности, когда на острове, кроме тебя и погибших сектантов, были только твоя любимая девушка, муж сестры и ваша собака? Потом, прав-

да, набежала толпа мореходов. Одна ватага даже знакомая. Успокойся, никто из них на тебя не доносил. Ты не знал, какими болтливыми становятся люди корабельных кланов, когда сходят на берег? На своих карбасах они молчат, как камни, но стоит ступить на землю, и один ватажник способен своей трескотней разогнать целый трактир. Торопятся узнать новости, поделиться рассказами о плавании, а главное – наговориться. Корабельный устав запрещает ссоры, вот мореходы и молчат, чтобы не обидеть соратника неосторожным словом. Нет ничего страшнее двух неприятелей, которым некуда деться друг от друга. Обида, о которой забудешь через пять минут, стоит перестать видеть нанесшего ее, на ограниченной территории разрастается в смертельную вражду. Потому и безмолвствуют, а вовсе не из-за того, что, как сами заявляют, не хотят нарушать покой Слепой Хозяйки. И вот, намолчавшись в дальнем походе, корабельщик сходит на берег. Зачем-то покидает родной хейм. Мало того что наконец можно говорить, так вокруг еще новые люди, слушатели. Он мелет языком обо всем, от пролетевшей мимо вороны до собрания шкиперов, не задумываясь и не выбирая тем. Если рядом окажется человек, умеющий слушать и хорошо соображать, можно узнать очень о многом.

– И такие люди служат не только вам.

Канцлер снова кивнул:

– И с сожалением вынужден признать, что, кто бы ни был сейчас главой секты, его осведомители работают лучше мо-

их. Уверен, что те, кому надо, и раньше знали, что написано в книге в черном «чешуйчатом» переплете, лежащей сейчас в ратуше Гехта. А где находится настоящий апокриф... Это постараются выяснить у тебя.

– Но я ничего не знаю.

– Я верю. Хронисты не лгут.

Хегли Секъяр сказал это так легко и просто, будто не сам он, холера, несколько часов назад тыкал меня носом в белые бельма вареной рыбыны, угрожая лишить зрения.

– Тогда зачем?..

– Чтобы ты вспомнил все, что знаешь. Страх хороший помощник памяти.

Тилла облезлого тебе под кровать, канцлер! Я хочу домой. И плевать на всех еретиков мира со всеми их заговорами и книгами.

– Теперь, когда выяснилось, что ни к секте, ни к их священной книге я не имею никакого отношения, вы отпустите меня?

Канцлер чуть помедлил с ответом. Наклонившись к стоящему на столе канделябру, он осторожно стряхнул золу с горячих кристаллов. Снова распрямился, озаренный более ярким светом, взглянул на меня. Я вздрогнул. Золотистое лицо Хегли Секъяра... Так мог бы выглядеть кто-то из Драконов, вздумай он принять человеческое обличье.

– Отпущу. Но прежде я хотел попросить тебя кое о чем. Не для себя, именем королевства.

Заметки на полях

Утро было прекрасным, а день начался с крохотного расстройства. Обычно, попрощавшись с Ларсом, Герда успевала взбежать на второй этаж и взглянуть из окна вслед любимому. Но сегодня ее перехватил на лестнице хеск Брум. Глава оранжереи решил поручить Герде присматривать за черешками домашних роз и долго, обстоятельно вещал об этом. Предложенная работа была хорошей и интересной, но, пока Герда слушала про нее, Ларс успел уйти. Невелико горе, через несколько часов все равно увидятся, но почему-то стало тревожно.

Вечером Ларс, противу обычая и обещания, к оранжерее не явился. Добежала до дома – и там его нет.

– Да сидит где-нибудь в «Трех петухах», сплетни слушает, – ворчала Гудрун. – А может, в Ярм, что ли, сорвался или в другой ближний город. Это еще при Торгриме, Драконы ему заступники, заведено было: ускачут вдруг, никому не сказав, будто без хрониста там земля с небом местами поменяются. Ничего, не к ночи, так завтра с утра вернется. Ты тогда не жалея, устрой ему таску.

Ларс не появился ни вечером, ни на другой день. Вернулись Хельга и Оле, но и они ничего не знали.

Счастье и спокойствие в дом это известие не вернуло. Герда и Гудрун чуть за порог усталых истинников не вытолкали,

требуя немедленно разобраться, отыскать, вернуть.

Но только Хельга Кьоль и не такой натиск выдерживала. Встала посреди комнаты, сложив руки на груди, высокая, прямая, непреклонная, и заявила, что шагу не сделает, пока все не успокоится, не перестанут метаться, причитать и скулить и не объяснят толком, что за массовое сумасшествие постигло дом и какова тут роль ее брата. Где он, кстати?

Ровный голос и ледяной взгляд главного прознатчика подействовали. Примерно через десять минут Хельга и Оле узнали, что хотели, но сами ответить на вопросы не смогли. Где же Ларс, что с ним?

Пришел Освальд Харп и четко, коротко, но содержательно, как положено служивому, и как только и возможно хорошему человеку, поневоле взявшему на себя роль черного вестника, изложил все, что случилось с младшим Кьодем, почему хрониста арестовали и чем ему это грозит.

Герда, заголосив по-вдовьи, осела на пол.

Снова суетились, поднимали, успокаивали, отпаивали водой. А когда Герда наконец пришла в себя и только всхлипывала, обводя семью испуганным взглядом, почтенная Гудрун вдруг горестно всплеснула руками:

– Его же там кормить плохо будут!

Суевернее городских стражников в земле Фимбульветер только люди корабельных кланов. За несколько месяцев общения с Астрид Легльёф Хельга в этом убедилась. Отважная дочь шкипера собирала обереги, приметы и заговоры,

словно рьяный коллекционер драгоценные редкости. Приметы студенческие, городские, береговые. Монета, засунутая в башмак накануне важного испытания; иголка, воткнутая в притолоку, дабы уберечься от дурного глаза; вечные предубеждения, что нельзя резко оборачиваться к зеркалу, потому что тогда можно увидеть недозволенное. Не было примет негодных – если Астрид не могла применить что-либо в жизни, она о таком увлеченно рассказывала. Хельга благодушно посмеивалась над подругой, но кое-что запомнила. Так переняла она привычку мореходов не верить в худо, не говорить и не думать о нем. Вспоминая сгинувших сородичей, корабельщики всегда толковали о них, как о живых. Ушедшим за волны считался только тот, кого доподлинно видели мертвым или с чьего исчезновения прошло так много лет, что обычный человек столько прожить не может. А иначе – живой, и все с ним хорошо! Без этой полезной привычки Хельга, имея брата-хрониста и мужа-стражника, давно бы сошла с ума от вечной тревоги и переживаний. Все считают, что хесса Кьоль холодная, смелая, сдержанная, а она просто всегда боялась накликать плохое.

Гудрун ушла плакать на кухню. Герду без всякой уверенности в успехе попытались прогнать спать, но, конечно же, не преуспели, и она так и осталась сидеть, съезжившись в углу дивана. Оле, покусывая ус, смотрел в окно. Вестри шкуркой распластался у камина, положил голову на пол и тоскливо следил за хозяевами. Он не понимал, что происходит. Все

в сборе, все дома. Только Ларса нет. Нет младшего брата...

– Ларс в детстве никогда не плакал от боли. От обиды, несправедливости ревел, а от боли и страха никогда. И сейчас тоже. Считает, что стыдно. И не врет. Просто смотрит прямо перед собой и молчит. Всегда так было, даже до того, как стал хронистом. Иногда ведь можно сказать, чтобы безо лжи, но и не всю правду...

– Хельга, – строго произнес Сван, не оборачиваясь от окна.

– Я спокойна, Оле, я очень спокойна.

«Да, капитан, не хватало тебе сейчас только трех истеричных баб на руках».

– Надо выяснить, кто написал донос. Тогда поймем, в чем обвиняют Ларса и как его выручить.

– Если обвиняют именем короля, – Оле наконец оторвался от пейзажа за окном, – то звучать все должно очень серьезно, а на деле – чушь овечья. Ларс на многое способен, но на измену государству – нет.

– Думаешь, чушь? – Хельга благодарно взглянула на мужа.

– Знаю. Мне Ларс тоже не чужой. Все ж таки с десяти лет с ним знаком. На саночках не катал, но нос вытирать приходилось. И сдачи давать я его учил. И за что Ларс в детстве дрался в кровь, знаю. Твой брат в принципе не способен на предательство. Воспитали, фунс побери! Ну, так кому выгодно? Вернее, под кого копают?

– Или под весь клан в целом, или под Ларса лично.

– Или кто-то замыслил таким образом подобраться к тебе.

– Маловероятно. Так же, как вред клану. Проступок одного не порочит весь род. Но кому же мог помешать сам Ларс?

– Хм... – Оле задумчиво погладил подбородок. – В последнее время он пару раз ошивался на Пятке. Но хронисту в воровской квартал ходить не возбраняется, вроде как даже положено – тоже часть города. Да и тщеславнее тамошних обитателей еще поискать. Каждый снурок мнит, что его имя должно сохраниться в веках. А если чего того... Подснежники доносы королю не пишут, у них свои методы.

– Надо искать свидетелей, спрашивать людей.

– С утречка по домам пройдемся... А это кто ж?

Стук в дверь в это время суток никогда не предвещает ничего хорошего, а сейчас он прозвучал откровенно зловеще.

– Какого... – пробормотал Оле Сван и, сделав Хельге понятный ей знак, отправился открывать.

Вернулся он вместе с метельщиком Кори.

– Я свидетель! – тут же заявил ночной гость.

Хельга и Оле быстро переглянулись. Нет, ничего такого, чтобы немедленно бежать и хватать некоего злодея, свершившего страшное преступление, в словах и облике метельщика не было.

– Кори, все свидетельства и признания – в Палате Истины, официально, под протокол.

– Так я и под протокол скажу: все честно было, и Ларс этого охламона не убивал. Тот вообще не явился. Если его

кто другой прикончил, так и поделом, нечего к честным девицам лезть, но хронист наш тут ни при чем!

– Кори, постой, о ком ты? Какой охламон?

– Да этот, Герда, как бишь его? Ларса ведь из-за дуэли загребли? Ишь, из самой столицы приехать не поленились!

– Кори! – Хельга стремительно поднялась. – Ларс вызвал кого-то на дуэль? И собирался убить... до смерти?

– До смерти не стоит, – рассудительно ответил Кори. – Вот насовать этому по морде, чтоб знал, это стоило б, а так... Так что если Ларса по этой причине, то я завсегда... А вы что, не знали? А... Ну Герда вам все расскажет, а я пойду. Поздно уже. Вижу, свет у вас, ну и подумал... Ларс, когда отпустят... Ладно, после.

И Кори испарился.

Оле Сван, многозначительно прищурившись, обернулся к Герде:

– Дочь моя, не молчи!

Девушка, однако, выглядела такой же растерянной, как и родственники.

– Ларс собирался драться на дуэли? Я не знала. Иначе, иначе бы...

– Иначе никуда б его не отпустила, а это был бы урон чести вурда и переживания по этому поводу, о которых мы узнали бы все и скоро. С кем он сцепился, хоть знаешь?

– Нет. Но... Тут один, из столицы... В нашей оранжерее... Халлькель Керьяр... Он ко мне приставал... Но я Лар-

су не говорила!

– Понятно, сам дознался. Если сестра умная, вряд ли брат дураком будет. Кто еще полезет, мне говори, прав Кори, попростому лучше и быстрее. Куда этого дела?

– Я об него метелку сломала.

– Вот оно! – Сван воздел руки к потолку. – А я-то думал, какое оружие ей дать, чтобы по руке. Шпага, палаш, рапира – все ничто перед метелкой! Но не убила ж ты этого негодяя? Почему он на дуэль не явился?

– Тут все понятно. – Вздыхнув, Хельга снова опустилась в кресло. – Если Герда сломала метелку, то это точно не прошло для хеска Халлькеля Керьяра бесследно. Во всех смыслах. Это мой ненаглядный братец сплюнет кровь через разбитую губу и отправится дальше – искать истину и приключения. Но Ларс родом из пограничья, да и твое, Оле, воспитание... А столичный щеголь не может явить себя миру с фонарем под глазом.

– Значит, пока расписную физиономию дома прятал, донос-то на Ларса и накатал.

– Не думаю. Это не поступок вурда.

– Ой, Хельга, воровать вурду тоже неуместно, а вспомни Игрока, сколько натырил. Так или иначе, а с этим Халлькелем Керьяром я потолкую.

– Плохо, что нас не было в городе.

– Было бы лучше, если б приказ об аресте брату зачитывала ты?

– Нет, но тогда бы мы точно знали, в чем конкретно обвиняют Ларса, а также кто и почему написал донос.

Хельга замолчала. Глядя на сосредоточенное отстраненное лицо жены, капитан Сван в который уже раз подумал, что лучше бы не была она такой умной. Такой гордой и решительной. Лучше бы металась сейчас и голосила, как всякая простая горожанка, предоставив право придумывать и осуществлять план спасения ему, мужчине и воину.

– Есть один человек, – медленно произнесла Хельга, – который скажет все. Сразу. Он обязан ответить, когда его спросят.

– Кто?

– Король Хрольв.

Оле Сван не был широко сведущ в науке истории и особенностях жизни знати, но про одну редкую привилегию знал достаточно. Древнее право, дарованное королем Хлодвигом первым вурдам. Право вступить за обвиненного в злодеяниях родича, потребовав ответа у самого государя. И, ежели тот не сможет доказать вину подозреваемого, а клан сочтет себя оскорбленным, вызвать монарха на поединок чести. Иначе мятеж, и никто не осудит взбунтовавшихся вурдов. За все годы правления династии Ильвъянгов привилегией этой воспользовались всего один раз. И это положило начало Смуте.

– Вот оно как. – Оле растерянно почесал в затылке. – С утра в Кьольхейм поедешь?

– Не в Кьольхейм, Оле, в Бьёрнкрог.

– Зачем тебе в столицу? Спрашивать должен старший в клане, ваш с Ларсом отец.

– В клане или в семье. В этом городе среди Кьолей старшая я.

Отговорить жену от поездки к королю Оле Сван и не пытался. Знал: легче выковырнуть становой камень Часовой башни, чем сбить Хельгу Кьоль с избранного пути. Не думал он также и ехать с ней в столицу – смысла нет, да и в Гехте дел хватает. Но проводить жену несколько стандов по тракту считал для себя обязательным.

Черный и рыжий кхарны бежали рядом. Не быстро и не медленно, обычной походной рысью. Всадники протянули друг другу руки и переплели пальцы. Здесь, где никто не видит, можно. Гранит и лед не бывают мягкими. На людях бравому капитану дозволено проявлять топорную галантность, а гордой хессе главному прознатчику – снисходительно принимать его ухаживания, но настоящая нежность, только когда вдвоем.

Жаль, короткий срок ей отпущен.

Кхарны остановились.

– Всё, Хельга.

– Да. Дальше я одна.

Немного времени для прощания, последних слов.

– Оле, помнишь, мы тренировались вечером во дворе? С улицы на нас смотрел человек. Мне показалось, это был

Торгрим Тильд.

Сван изумленно присвистнул:

– Торгрим? С тех пор как он ушел из города, лично я ничего о нем не слышал. Уже два года как. Если он вернулся, то почему не зашел к нам? Почему глазел с улицы, издалека? Ларс его видел? Неужто не признал учителя?

– Мой брат редко видит что-то дальше собственного носа. И нос этот большую часть времени повернут в сторону Герды. К тому же Ларс довольно близорук. Лица людей различает не дальше чем за пять шагов.

– Вот оно, копание в хрониках и архивах. Но почему ты мне раньше не сказала, что Торгрим примерещился?

– Его появление казалось – и кажется – мне слишком невероятным. А тогда еще и недостаточно важным, чтобы поверить.

– Ничего, Хельга. Я тут... присмотрю. Что делать, если Ларс объявится?

Любящая сестра на несколько секунд задумалась.

– Дай в лоб и запри в комнате. После будем с его подвигами и их причинами разбираться.

– Сам так думал.

– Спасибо.

– Было бы за что.

Они обнялись. Молча, коротко, крепко.

Вот и все. Хельга тронула коленями бока рыжего Рёда. Она не оглянулась.

Какое-то время Оле Сван, кусая вислый ус, мрачно смотрел на снег под копытами кхарна. Потом развернул Шеврана по направлению к Гехту. В городе, право, было очень много дел.

Глава 5

Выставили меня из Арахены еще быстрее, чем туда водворили. В камеру возвращаться не пришлось, да и зачем? До дверей узилища проводил лично канцлер. Извиняться, конечно, не стал, но проследил, чтобы я вышел за ворота. Странно, никаких бумаг подписывать не пришлось, да и протокол допроса никто не вел. Как будто канцлер Хегли Секъяр не хотел оставлять вовсе никакого подтверждения тому, что Ларс Кьоль, хронист города Гехта, вообще побывал в Арахене.

Скима мне вернули. Тоже без всяких росписей и свидетельств. При столичной тюрьме имелась своя кхарня, откуда и вывели несколько ошалевшего, но накормленного и расчесанного быка.

Больше ничего не потребовалось. То ли потому, что я был «гостем» канцлера, то ли здесь, в Арахене, вообще такие порядки. Нет за тобой вины, так и пошел вон со всей возможной скоростью. Я и пошел. Разыскивать купца Тормода Вилда, чей караван должен был вскоре отправиться из Бьёрнкрога в Гехт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.